

Глава 1

Наверное, я не очень счастливый человек. Потому что с удовольствием еду только домой с работы и с отвращением — на работу. Надо же было выбрать себе такую серую специальность — юрисконсульт! Вот познакомлюсь с молодым человеком, он меня спросит:

— Чем вы занимаетесь, прекрасная пани?

А я отвечаю:

— Тружусь юрисконсультшей на кирпичном заводе «Красный Октябрь», сударь!

Для создания женственного и романтического образа больше подойдет только танкостроительный. «Путь Виссарионыча». Хотя какая мне разница? С молодыми людьми у меня все равно не ладится. То ли требования у меня завышенные, то ли в нашем Горовске как по заказу собраны худшие экземпляры, не знаю. Только в свои двадцать восемь лет я еще ни разу не сходила замуж. О чем, впрочем, не жалею, потому что семья у меня есть, это мой дед Аристарх Владиленович, Ариша, самый потрясающий дед в мире с кучей недостатков, заядлый и виртуозный карточный игрок, ин-

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

триган, ворчун, сибарит. Мы нежно любим друг друга. Потому что любить нам больше некого.

Кроме, пожалуй, нашего дома. У нас прекрасный дом в коттеджном поселке — большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой на кухне, сейчас я приду домой и быстренько зажарю какой-нибудь полуфабрикат. А потом усядусь с книжкой перед камином — буду лениво листать страницы, дедуля станет что-нибудь рассказывать из своего легендарного прошлого, и вся серость и скука сегодняшнего дня растает, как темная тучка.

А вот и тучка. Накаркала. Впереди на трассе действительно поднималось густое черное облако. Я машинально сбросила скорость, и вовремя: еще чуть-чуть, и пришлось бы применять экстренное торможение, машины впереди меня стояли. Неприятно засосало под ложечкой — я не любитель страшных зрелищ, а запах гари, который проник в мой «Мини Купер» даже через закрытые окна, не обещал ничего хорошего.

Так и есть. Теперь в черном дыму стали видны всполохи пламени. Я заглушила двигатель. Закрывает глаза ладонями. Не видеть, не слышать. Только не дышать не получалось. А запахи тоже имеют особенность пробуждать память. Я вышла из машины — чтобы не дать картинкам прошлого всплыть в памяти, лучше оказаться на людях. Ноги помимо моей воли понесли меня к месту трагедии. Все как тогда.

В тот вечер мы вернулись поздно. Наш загородный дом был практически готов, переезжать собирались со дня на день, поэтому мама и папа все свободное время приводили коттедж в порядок. Загородное строительство еще не вошло в полную силу, мы одни из первых решили перебраться из городской квартиры поближе к природе. Папа остановил машину у подъезда:

— Девчонки, вы домой, а я — в гараж!

— Я тоже в гараж, — заявила мама, — прогуляюсь, подышу выхлопными газами, полюбуюсь живописными серыми хрущевками, глотну городской пыли. А то от цветочков, птичьего щебета и чистого воздуха голова разболелась. Поинка, ты с нами?

— Ладно, идите, — великодушно разрешила я, — а то дома вам посекретничать негде.

Жили мы в трехкомнатной квартире вместе с дедушкой, места хватало всем, но у родителей все равно не было собственной комнаты, и вечером вся семья допоздна сидела в гостиной, которая одновременно являлась и спальней родителей. Родителям редко удавалось побыть наедине, им приходилось ждать, когда все разбредутся по своим комнатам. Впрочем, жить можно было уже и за городом, в просторном коттедже. Дом был полностью пригоден для жилья, отделан, мебель заказана, коммуникации подведены. Оставались формальности с продажей квартиры, и можно было перебраться окончательно. Впрочем, в восторге

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

от этого события были родители и дед, я же переживала: все мои подруги жили в городе. Ну что я там буду делать целыми днями одна, с птичками и цветочками? Зачем мне этот простор и свежий воздух? Простора мне и на улице хватает.

— Ты не понимаешь своего счастья, дурочка, — говорила мама, — это же целое поместье! Ты можешь приглашать сюда всех, кого пожелаешь и на сколько пожелаешь. В твоём распоряжении не только огромный дом, но и сад, на чердаке сделаем мансарду, будет третий этаж. Со временем можно даже бассейн построить.

— А если мне приспичит секретничать немедленно, — не соглашалась я, — сидеть и ждать, когда Алина приедет в гости? Нет, это не жизнь, это монастырь какой-то.

Родители, видя мою горячность, посмеивались и грозили родить мне специально для секретов сестру, что приводило меня в еще большее негодование. Я привыкла быть любимой и единственной. И испытывала огромное наслаждение, находясь в центре внимания родителей. Поэтому любила проводить с ними время и в другой момент не отказала бы себе в удовольствии прогуляться с родителями от гаража, но вчера случилось такое! Такое, что примирило меня с переездом за город. В ближайшем соседстве с нами достраивала дом другая семья, и их сын, почти уже взрослый шестнадцатилетний парень, пригласил меня вечером прогуляться до речки. Прогулка не совсем была похожа на свидание, как я его себе представляла, но это все же было первое свидание! И влюбилась я, ка-

жется, по уши. По этому вопросу мне срочно надо было посоветоваться с Алиной, моей подругой. Хотя бы по телефону — время было позднее, вряд ли ее родители обрадовались бы моему визиту в 12 часов ночи.

— Пока, мам! Пока, пап! Смотрите не загуляйте до утра, а то оставим вас без сладкого.

Машина развернулась и медленно поехала. Перед выездом со двора папа притормозил, дождался, пока загорелся зеленый глаз светофора, и стал аккуратно выруливать на главную дорогу. Что произошло дальше, я не поняла. Черная молния, мерзкий скрежет, яркое пламя, темные силуэты на ослепительном фоне. Не помню, как я оказалась возле дороги. Стоять трудно, но меня поддерживает белая кирпичная стена дома. Я почти слилась с ней в темноте в своем светлом легком платье. Вокруг меня мечутся люди, хлопают двери подъездов. Одна я стою. Ноги ватные, в ушах звенит. Сквозь этот звон до моего сознания доносятся голоса:

— Владимир Михайлович, чего делать-то?

— Ничего. Сейчас менты подъедут, потихонечку выйдем. А то народ горячий, не разобравшись, кто мы, разорвут. Хорошо, догадались машину бросить. Стой себе, не привлекай внимания.

— А ментам чего говорить? Посадят ведь!

— Ты, Леха, горячку не пори. Ты трезвый? Трезвый. Это главное. Отмажемся.

— Да как же отмажемся, Владимир Михайлович? Мы неслись чуть не сто восемьдесят! А тут светофор, ему зеленый свет был!

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

— А кто видел? Ночь, все сидят дома, телевизор смотрят. Так что не вздумай правду говорить. Скажешь, ехал шестьдесят. На светофоре нам зеленый был. А он ка-а-ак выскочил, — говорящий пьяно хихикнул, — и в тебя врезался. Выехал с бешеной скоростью, и прямо в тебя!

— Владимир Михайлович, а девка?

— Так ее уже и след простыл. Так рванула из машины, что все добро свое оставила. Ты ее, кстати, завтра найди, сумочку отдай и предупреди, что с нами ее не было и вообще, если что кому вякнет — закопаю. Если будет артачиться — скажешь, разберусь.

— А менты? Картинка же ясная! Видно, кто кого стукнул, и скорость он не мог приличную развить, со двора выезжал!

— Менты не дураки! Поэтому будут не картинки рассматривать, а меня слушать. Ты со страху забыл, кто я есть?

— Так жертвы же!

— Жертвы! Это я жертва! По своему городу проехать не могу, чтобы какой-нибудь говнюк не подвернулся. Ни днем ни ночью покоя от них нет. Знать надо, что я по ночам этой дорогой гоняю и скорость люблю. Учить их нужно. Сегодня эти сдохнут, завтра другие сто раз подумают. Все, менты едут. Пошли тихонечко. И молчать про скорость и светофоры.

Этой ночью погибли мои родители. Мне было четырнадцать лет.

Все как тогда. Догорает железный скелет машины. Ноги ватные, в ушах звенит. Только стоят рядом со мной не убийцы моих родителей, а простые автолюбители, случайные свидетели трагедии.

— Гад, вылетел на встречную, эти увернуться хотели, да напрямик в дорожный указатель. А сзади им «КамАЗ» «помог». Наверное, сразу на смерть. А этот скрыться пытался, да развернуться не смог. Настолько пьян, что в кювет скатился. Как же он мимо постов ГАИ ехал?

— А кто его остановит с такими номерами и мигалкой? И ведь все с рук сойдет. А люди погибли. И еще гибнуть будут.

Кому, как не мне, знать это! Тогда, четырнадцать лет назад, я не думала о наказании убийцы мамы и папы. Я вообще не вполне понимала, что произошло. Настоящее казалось настолько несправедливым, что выглядело нереальным. Дед потом говорил, что я не плакала ни на похоронах, ни во время следствия. Только однажды, когда в коридоре следственного управления услышала голос Лехи, водителя, убившего моих маму и папу, я потеряла сознание. Впрочем, мои робкие и сумбурные показания вообще не попали в дело, в действиях Алексея Водяникова, водителя главного прокурора города, катавшего в тот вечер своего пьяного хозяина, состава преступления найдено не было. Виновником происшествия признали моего папу. Экспертиза показала, что в крови его

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

находился большой процент алкоголя, к тому же водитель и его пассажир утверждали, что он на огромной скорости выехал на запрещающий сигнал светофора.

Дело замяли, но мы, как наследники виновников происшествия, должны были выплатить компенсацию за ремонт автомобиля прокурора, Синдякова Владимира Михайловича. Наследники — это я и мой дедушка, Аристарх Владиленович. Мы продали квартиру и смогли расплатиться с убийцей. Оставшуюся сумму и все остальные, весьма немалые семейные накопления дед дальновидно вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. В то время этот поступок казался опрометчивым, сейчас же приносит нам весьма неплохие дивиденды, я могла себе даже позволить не работать, но надо же было чем-то заниматься! Если бы не работа, я так и не вылезала бы из кресла перед камином. И моя Алина, с которой мы дружим до сих пор, совсем бы запилила меня.

* * *

Звук сирены прогнал воспоминания, наконец прибыли милиция и машина «Скорой помощи». Гаишники деловито наладили объезд, поток машин медленно двинулся вперед. «Не смотреть!» — команду я себе, но взгляд помимо моей воли останавливается на двух неподвижных телах на обочине. Мужчина и женщина. В кювете возле черного авто с включенными мигалками сидит и плачет пьяный водитель. Ему тоже ничего не будет. Его

тоже отмажет начальник, очередной прокурор или депутат. И дочка этих несчастных так же, как я, будет жить без ласки мамы и защиты отца и тоже вырастет серым обывателем и будет всю жизнь спокойно дремать с книгой в кресле перед камином. И также заплатит убийце своих родителей. Так кто тогда из нас хуже? И не пришло ли время заплатить по-настоящему?

Этим вечером я, вопреки обыкновению, внимательно смотрю вечерний выпуск местных новостей. На экране уже знакомая мне картина: обгоревшая машина, слегка помятый черный автомобиль с мигалками. В фургон «Скорой помощи» грузят два тела: лица не закрыты, значит, они еще живы. Слава богу. За кадром звучит по-пионерски бодрый голос дикторши:

— Сегодня на выезде из города произошла крупная автокатастрофа с участием заместителя главы администрации города Александра Королева. Предположительно, водитель «девятки» не справился с управлением и столкнулся с машиной, которой управлял Королев. В данный момент зам. главы администрации находится в больнице, состояние его не внушает опасений.

Вот так. Значит, человек, который плакал возле машины, — не водитель, а один из хозяев города, о том, что он не пострадал, заботливо сообщили взволнованным гражданам. А что с водителем и пассажиркой «девятки»? Кто они? Это никого не волнует? Ситуация повторяется? Я набираю но-

мер моего друга, корреспондента газеты «Горовск сегодня» Антона Ярцева.

— Антон, что ты знаешь о сегодняшней аварии? — спрашиваю в лоб.

Он сразу понимает, о чем я.

— Там что-то нечисто, Полина, информации нам не дают, к Королеву не пускают. Но ты меня знаешь, я так просто не отступаю. А что у тебя за интерес к этому делу?

— Так, любопытство. Включила телевизор, нечаянно наткнулась, — отмахиваюсь я.

Значит, Ярцеву поручено освещать в прессе это происшествие, прекрасно. Я не смогу спать спокойно, пока не узнаю, что с пострадавшими.

— Ариш, — обнимаю я деда после ужина, — расскажи, как все тогда было.

Он внимательно смотрит на меня и сразу понимает, о чем я прошу. И его не обманывает мой нарочито равнодушный и легкомысленный вид. Вероятно, несмотря на все его старания, актриса я неважная. Или он слишком проницательный. Наверное, все-таки второе.

— Что-то произошло, Полетт?

— Нет, все в порядке, просто хочу знать.

Дедушка больше ничего не спрашивает и рассказывает мне все, о чем я уже знала, даже не подозревала или догадывалась.

Город долго гудел после катастрофы. Несмотря на отсутствие информации в прессе, стало известно о ночной гонке главного прокурора с девицей легкого поведения, нашлись свидетели, которые

видели несущуюся по городу со страшной скоростью и игнорирующую светофоры и знаки машины прокурора. Сначала и у следователя не было сомнения в истинном положении вещей, но как-то потихоньку картинка начинала меняться, обрастать загадочными свидетельствами, и в один момент все перевернулось с ног на голову. Из потерпевших наша семья превратилась в виновников происшествия, уже после похорон неожиданно откуда-то всплыли положительные результаты экспертизы на алкоголь папы. В городе поговаривали о фальсификации результатов, да что там поговаривали! А то я сама не знала, что папа никогда не садился за руль выпивши, к тому же в тот момент у него случилось обострение язвы и он априори не смог бы выпить ни капли.

Официально по делу нашелся только один свидетель, но выступал он на стороне прокурора — бомжеватого вида дедок заявил, что видел, как папа рванул на красный сигнал светофора. Свидетелей с нашей стороны не было. Вернее, была — я. И я могла бы свидетельствовать в защиту памяти моих близких, но после того, как в раскрытое окно деду зашвырнули обгорелую пластмассовую куклу, он не позволил мне участвовать в дознании. Друзья отца подготовили коллективное заявление с просьбой провести повторную экспертизу, после чего под входную дверь нам подбросили полуразложившегося кота, а в почтовый ящик кинули письмо с жутким описанием того, что будет со мной, если дед согласится на эксгумацию.

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

И Ариша сдался. Для него и так было чудом, что он нашел меня возле той кирпичной стены. Дедушка был уверен, что я сгорела в машине вместе с папой и мамой. Родителей не вернешь, а потери внучки он не перенес бы, поэтому и не стал настаивать на продолжении следствия, уговорил друзей родителей оставить все как есть, заплатил требуемую сумму и переехал со мной в коттедж.

— Значит, основная вина все-таки лежит на водителе... Прокурор просто прикрыл его, а заодно и себя.

— Все не так просто. Когда еще дело не приобрело опасный для тебя оборот, мне все-таки удалось аккуратно выйти на ту девицу, что была с ними. Она утверждает, что за рулем был не водитель, а прокурор, сам Синдяков. Напился и захотел погонять по городу. Водитель пытался уговорить его не садиться за руль в таком состоянии, но тот, естественно, не стал его слушать.

— И эта девица так просто тебе слила эту информацию?

— Продажный человек продажен во всем. Я хорошо заплатил ей. Правда, воспользоваться этой информацией не смог, на следующий день она исчезла. Дай бог, чтобы у нее просто хватило ума уехать. Ну а потом я испугался за тебя и позволил замять дело. Они о себе больше не напоминали. Если бы...

— Если бы?

— Если бы бывший прокурор не вышел на пенсию и не купил дом в нашем коттеджном по-

селке. Мы живем совсем рядом, и я поневоле не могу забыть всю эту мерзость. Внучка, а может, нам уехать? Купить дом в другом месте, а этот продать? Или вообще переехать в другой город?

Ну уж нет.

* * *

— На, надевай, вторую на смену принесу потом, вместе с бейсболкой.

Алина кинула на диван черную майку с кровавой надписью на спине: «Нет — наркотикам!» Моя подруга постоянно участвовала в каких-то движениях, записывалась на курсы, стояла в пикетах, то есть являла собой полную противоположность мне с моим лучшим другом — креслом.

— Носить будешь даже на работу, можно с джинсами, дома необязательно, если гостей не ждешь.

— Алиночка, она некрасивая, — по привычке заняла я, — и на работе выглядеть несолидно будет.

— Несолидно? — взорвалась подруга. — А солидно, что от этой гадости нация вырождается? А ты хоть знаешь, какой колоссальный доход имеет наркомафия от продажи наркотиков? Сколько школьников, студентов и прочей молодежи в год садится на иглу? У них не рождаются дети, некому будет возделывать поля, трудиться на заводах. К чему мы придем? Вот у меня тут цифры есть, садись!

Алинка достала толстый блокнот и открыла первую страницу, исписанную ее безобразным по-

черком. Я поняла, что лекция часа на три мне обеспечена.

— Прости, я неправильно выразилась, — заспешила я, — совершенно с тобой согласна, наркобаронам нет места в нашем обществе. Только перед тем, как мы ими займемся, давай совершим небольшой шопинг. Помнишь, ты затащила меня на курсы стилистов? Так вот, я хотела бы применить знания на практике и заняться своей внешностью. Так хочется что-нибудь поменять!

Раз избавиться от ее общества не получится, я решила использовать энергию подруги себе на пользу. Мне предстоял большой и мучительный поход по магазинам, а кто лучше Алины в городе мог знать, где можно достать все, что мне необходимо!

— Как неожиданно в тебе проснулась женщина! Хорошо, что не совсем поздно, еще есть шанс сделать тебя привлекательной. Так, сначала волосы, — наркобароны могли вздохнуть спокойно, — срочно меняем стрижку! Красимся в блондинку и стрижемся под мальчика. Нет, лучше огненные пряди на смоляном фоне и длина ниже плеч. А еще я видела у одной девицы раскраску в виде шахматной доски — отпад!

— Нет, краситься в доску и стричься под мальчика я не буду, — проявила я твердость, — давай для начала купим несколько париков и посмотрим, что мне пойдет. День похожу в одном, день — в другом. А то бывает, что решишься на что-нибудь экстремальное, а потом каешься, и сделать

уже ничего невозможно. Определюсь, а потом рискну уже и на стрижку, и на покраску.

Стричься я не собиралась, а вот парики мнегодились бы. Чтобы Алина не поняла, что я от нее что-то скрываю, пришлось выдать ей эту неуклюжую версию.

— А давай! — загорелась Алина. — И мне поносить дашь. Я знаю одно место, там парики из натуральных волос, жутко дорогие, но зато шикарные. И линзы! Давай купим тебе цветные линзы. Индиго или желтые, как у ведьмы! А еще есть кошачий глаз, вообще супер! Только сначала в бассейн запишемся. Или майку надевай!

«Шантаж — это уже слишком, — думала я, осторожно лавируя в городском потоке машин, — хотя бассейн все-таки лучше, чем майка. А почему бы нет? Мне нужна хорошая форма, а плавание прекрасно поддерживает все мышцы в тонусе. Да и покупка линз — отличная идея. У меня удачный цвет глаз, серый, могу носить любые линзы. Желтые брать не будем, а пара-тройка с натуральными оттенками, пожалуй, не помешают. Итак, сегодня покупаем камуфляж, берем абонемент в бассейн, вспоминаем уроки стилиста, перетряхиваем гардероб. Мне нужно научиться менять внешность до неузнаваемости. Слава богу, природа наделила меня неброскими и незапоминающимися чертами лица — с такой внешностью идут в модельный бизнес: что хочешь, то и нарисуешь».

— А еще он мне сказал, — перебила мои мысли Алина, оказывается, она давно и оживленно что-

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

то рассказывала, — что моя собака с нами спать не будет! Овчаркам в постели делать нечего! А я сказала, что если с нами не будет спать собака, то будут спать дети, а они по ночам срыгивают и дуются, чего служебная собака никогда себе не позволит. А он сказал, чтобы я тогда и спала со своей овчаркой и рыгающими детьми, а он себе нормальную найдет. Ну не гад ли?

— Гад, — согласилась я из женской солидарности, — а когда ты успела служебную овчарку завести?

— И не собиралась, — фыркнула Алинка, — это я так, умозрительно. В квартире больших собак держать нельзя, им простор нужен. А давай я ее у тебя заведу? У тебя простору много, можно будет устраивать заседания клуба собаководства, в саду построить всякие препятствия и готовить собак для службы на границе, — несло мою подругу.

— Алина, у тебя есть знакомый электронщик, — перебила я полет ее фантазии, — высококлассный специалист и не очень любопытный?

Плана у меня определенного не имелось, поэтому мне и нужен был человек, умеющий обращаться с «жучками». По моему разумению, у господина бывшего прокурора скелетов должно было быть не меньше, чем шкафов, и результаты прослушки вполне могли натолкнуть меня на дельную мысль. Как попасть в дом и установить «жучки», я пока не придумала, впрочем, эта задача не казалась мне такой уж невыполнимой. Охраны в доме наверняка нет, дом на наличие прослушивающих

устройств вряд ли проверяют, кому интересен прокурор в отставке! Прикинуть инспектором из санэпидстанции или попрошу принять меня на работу горничной и пристрою «жучок» в цветочном горшке или под журнальным столиком, как это в кино делают.

Конечно, знакомый электронщик у Алины был. Шумный и эмоциональный Витя Шилов, откликающийся на ник Шило. Как и все специалисты по электронике и компьютерам, Шило громко возмущался, если на жизненном пути ему попался человек менее гениальный, чем он. Если собеседник не мог достойно ответить на его словесную профессиональную абракадабру, он закатывал ясны очи, всплескивал по-девичьи руками и долго, пристально смотрел в глаза несчастному. Человек незакаленный тушевался и чувствовал себя полным идиотом, закаленный давал насладиться Вите своим превосходством и продолжал разговор, долго, мучительно приближаясь к цели. Результат того стоил: в отличие от лексикона Вити, изготовленные и усовершенствованные им приспособления были просты в употреблении и надежны.

Для Алины я придумала историю об интриганке-кадровичке с завода, которая действительно была таковой. Сказала, что она сочиняет обо мне небылицы и я хочу быть во всеоружии, для чего и собираюсь устроить прослушку в ее кабинете. Рассталась подруга со мной абсолютно счастливая, удовлетворенная моим нехитрым враньем.

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

— Ну вот, Полиночка, я вижу, что в тебе проснулась женщина. И это очень хорошо, просто замечательно! Теперь я знаю, что нам надо с тобой сделать. В бассейн мы не пойдем, там хлорка, она на кожу плохо влияет, мы пойдем на курсы гейш. Я объявление видела. Вот только покончу с наркоторговлей, и сразу — в гейши. Представляешь, как все мужики от нас попадают! И этот гад еще пожалует.

Глаза подруги сузились, губы вытянулись в ниточку. Да, искусству самообладания гейш ей еще учиться и учиться! Я совершенно искренне чмокнула ее в щеку, села в машину и поехала домой. Мне предстояло разобрать покупки и выстроить стратегию поведения.

Глава 2

Дома у нас был гость. Гость дорогой, старый друг моих родителей, полковник ФСБ Сергей Дмитриевич Курбатов. Дядю Сережу я знала с детства, во время той трагедии вместе с семьей он находился в длительной заграничной командировке, вернулся только через два года и сразу ринулся помогать нам. Ворошить историю двухлетней давности дед ему не позволил, но отца отчасти дядя Сережа мне заменил и любые проблемы, какие возникали у нас с дедом, решал в секунды. Дедушка как раз закончил раскладывать карты.

— В первый раз вижу, чтобы вы с дедом играли. Забыли, чем это может кончиться? — пригрозила я.

— Мы же на интерес, — оскорбился Ариша и тут же отомстил: — А я в первый раз вижу, чтобы от беготни по магазинам у тебя так горели глаза. Взрослеем?

— Стареем, — не растерялась я, — скоро в салонах красоты буду своим человеком и шкафчик для аксессуаров заведу.

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

Мне удалось его смутить, Ариша действительно с завидной регулярностью посещал дорогой салон красоты, где ему приводили в порядок его гордость — бородку. К тому же в последнее время его неудержимо потянуло на мужские аксессуары: шейные платки и шляпы. А при взгляде на его ухоженные руки я не сомневалась, что дед регулярно делает маникюр, что он, впрочем, тщательно скрывал.

Свалив все покупки наверху, я спустилась в одну из гостиных. Эти комнаты успела оформить моя мама. В память о тесноте нашей квартиры родители запланировали на первом этаже целых три гостиных: для своих гостей, для дедушкиных и для моих. Спальни располагались на втором этаже и считались личной территорией. Идея с гостинными казалась удачной, не надо было спорить и по оформлению комнат, для себя мама и папа выбрали модный тогда стиль кантри, бабушка — роскошный рококо, я — лаконичный хайтек. Зато теперь каждого гостя можно было принимать в наиболее желанной для него обстановке.

Ариша и дядя Сережа пребывали явно в прекрасном настроении, чему немало способствовал армянский коньяк из коллекции бабушки. Не раздумывая долго, я взяла быка за рога.

— Дядя Сережа, а что вы знаете о семье Синдякова Владимира Михайловича, бывшего главного прокурора города?

Благодушие с этой парочки как ветром сдуло. Они напряженно посмотрели друг другу в глаза.

Я их люблю и не хочу тревожить, но кто мне может помочь, кроме них? Я читаю их молчаливый диалог:

— Зачем ей?

— Надо.

— Рассказать?

— Пожалуй. Все равно не отцепится.

— А чего рассказывать? — произносит дядя Сережа. — Все, как у всех. Дом, молодая красивая жена взамен старой и преданной, старший сын умный, младший — дурак.

— А подробнее?

— Жена действительно юная и симпатичная, твоего возраста. Чего хмыкаешь? Двадцать восемь лет — это юность. В моем возрасте поймешь. Вроде не глупая, высшее образование, но живет затворницей. Бассейн — салон — дом. Все развлечения. Старший сын, Вадим, очень толковый бизнесмен, разведен, занимается жилищным строительством, владеет «Седьмым небом», бизнес считается семейным, но пашет один Вадим. Младший, Антон, лоботряс и позор семьи: секс, наркотики, рок-н-ролл. Все как у всех.

— Это все?

— Ну, еще мелочи кое-какие. Да что за странное любопытство?

— А что, уже и спросить нельзя? — скривила я недовольную рожицу.

— Полетт, не паясничай, — одернул меня Ариша.

— А давайте-ка я вас лучше ужином покорм-

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

лю, — перевела я стрелки, — сидите здесь, никуда не уходите, я на кухню.

Сбежала, конечно, позорно, но никакой гениальной отмазки в голову не пришло. К тому же всегда, когда я теряюсь, начинаю нести чушь. Срабатывает своеобразная внутренняя защита. Больше к этому разговору мы не возвращались, только уже поздно ночью, проводив гостя, Ариша спросил:

— Ты уверена, что справишься?

— Не совсем. Но остановиться я уже не могу.

— Что именно ты собираешься делать?

— Я его уничтожу. Как он уничтожил моих родителей.

— Уничтожишь физически? Устроишь самоубийство? Яд, оружие, несчастный случай?

— Не так просто. Пусть он сначала узнает, какая пустота наступает при потере самых близких.

— Жестоко. Смело. Ну, что же, я ждал, когда ты созреешь до этого. И останавливать тебя не буду. Взамен — просьба: по возможности держи меня в курсе дела. Я не так стар и глуп, как может показаться. И во многом смогу помочь тебе. Ты же знаешь мои связи.

— Спасибо, дедуль, я тебе обещаю.

Я действительно была благодарна ему. И не только за предложенную помощь, хотя и она могла оказаться бесценной. Ариша был непревзойденным карточным игроком и светским львом нашего городка, знающим все и вся и имеющим влияние в обществе. Для меня важнее было дру-

гое: дед не только не отговаривал меня от затеянного рискованного шага, но и с детства готовил меня к нему. Лишь теперь я начинаю понимать, зачем он буквально истязал меня логическими играми, тренировал память, учил добиваться своего не только напрямую, но и с помощью тонких ходов и обходных путей.

* * *

Из зеркала на меня смотрела совершенно незнакомая мне девица. Абсолютно черные прямые пряди, нарочито густо подведенные глаза, черная помада, бледная, без полутонов, кожа. Неплохо. Ногти короткие, но и на таких черный лак смотрится эффектно. Нарращивать ради одного образа не будем, вдруг в следующий раз мне придется изображать старушку-бомжиху. Теперь линзы. Очень красиво смотрелись бы синие. Но мы не красоты добиваемся. Поэтому либо самые темные, почти черные, либо светлые, как у альбиноса. Нет, бесцветные — это уже карнавал какой-то. А я не собираюсь прикидываться матерым готом, истинные неформалы меня сразу вычислят, я просто хочу вызвать к себе интерес и максимально изменить внешность. К тому же у готов, насколько мне известно, свой наркотик — кладбища и гробы. Поэтому наркоманка-гот — это уже перебор. А я хочу показаться своей среди наркоманов. Поэтому все-таки черные, они создадут эффект расширенных зрачков. Пригодилась черная кожаная мини-юбка, которую практически насильно вынудила меня

ТРИ МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

купить как-то Алина. До сего дня я не рисковала ее носить, но эта жуткая девица в зеркале — не я.

Страшно не было. Было жутко весело. Даже черсчур весело. Так весело бывает при истерике. Может, валерьянки выпить? Надо показаться Арише, пусть вынесет свой вердикт. Я тихонько выскользнула из спальни, сунула за щеку жевательную резинку и резко распахнула дверь в комнату деда. С детства запомнила правило, которое преподал мне он же: если хочешь внезапно напугать человека, лучше молчать. Любой выкрик, фраза, рычание только выдают в тебе существо приземленное, тишина же — привилегия жителей царства мистики и непознанного. Поэтому я молча застыла в дверях, свирепо расправляясь с жевательной резинкой.

— Э-э-э... — растерялся мой бедный дедушка. Карты для пасьянса выпали у него из рук, и он начал суетливо собирать их, не отрывая от меня взгляда. — Вам кого?

— Нормальный человек потянулся бы к телефону, милицию вызывать, — прыснула я, — а ты чуть кофе не предложил. Дед, ну разве можно так доверять людям?

— Зря я не порол тебя в детстве, — с облегчением выдохнул дедушка. — Нет, но какова! Если бы не голос, никогда бы не поверил, что это ты! Умница, не зря я в тебя всегда верил.

Итак, если меня не узнал человек, воспитывающий меня с детства, значит, не узнает никто. Я рассказала ему о своих планах, назначила кон-

трольное время, по истечении которого ему разре-
шалось поднимать тревогу, и спустилась в гараж.
Жаль, что мне придется оставить машину в квар-
тале от клуба, своей черной мастью она идеально
дополнила бы мой облик!

Начать я решила с Антона, самого непутевого
и уязвимого представителя этого семейства, а где
искать молодого лоботряса в нашем городе? Как
патриотка и порядочная девушка, я прекрасно
знала, какие места не следует посещать. Ночной
клуб «Пароход» имел весьма дурную славу, поч-
тенные мамы пугали им своих дочек, дочери
страстно мечтали хоть на миг окунуться в пучину
порока и разврата. У Ариши хватало ума не читать
мне мораль и не перечислять злчные места, где
мне не следовало появляться. Поэтому как-то раз
Алине удалось затащить меня в «Пароход». Мы
удовлетворили свое любопытство, насквозь про-
воняли запахом «травки», заработали по паре
щипков за попку и удачно спаслись бегством, от-
правив особо назойливых кавалеров за коктейля-
ми. Осознав, что быть порочными девицами в
рамках небольшого города невыносимо скучно,
мы больше не предпринимали попыток проник-
нуть в гнездо разврата.

Сейчас скромный опыт посещения злчных
мест оказался мне на руку, гораздо увереннее чув-
ствуешь себя в том месте, где ты уже бывала ранее.
Я заплатила за входной билет и напрямик на пра-
вилась к барной стойке, находящейся на возвыше-
нии. И мир посмотрю, и себя покажу. Нога на но-